

валось никакихъ сомнѣній насчетъ каждой отдѣльной черты его міросозерцанія. Говоря о справедливости или о свободѣ, онъ не обязанъ дать отчетъ, какое изъ многочисленныхъ толкованій того или другого слова кажется ему болѣе правильнымъ. Исходя изъ этого убѣжденія, мы находимъ поэтическую политику или политическую поэзію В. Гюго достаточно содержательной и опредѣленной. Возьмемъ, напримѣръ, превосходное стихотвореніе его: „*Pas de représailles*“, написанное во время коммуны и обращенное одинаково къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ. „*Pas plus que deux soleils je ne vois deux justices... Nos ennemis tombés sont là; leur liberté et la nôtre, ô vainqueurs, c'est la même clarté... Pas de colère; et nul n'est juste, s'il n'est doux*“. Неужели это не что иное, какъ „фразеологія“, какъ банальныя варіаціи на тему: „справедливость и свобода“? Неужели здѣсь нѣтъ цѣлой *profession de foi*, своеобразной и глубокой? Такихъ страницъ у В. Гюго очень много, — и главная ошибка Фагэ заключается въ томъ, что онъ не понималъ или не захотѣлъ понять ихъ истиннаго значенія. Мы говоримъ: „не захотѣлъ понять“, потому что находимъ у Фагэ признаки политическаго индифферентизма, моднаго, въ настоящую минуту, между французскими беллетристами, философами и критиками (Гонкуръ, Зола, Додэ, Ренанъ, Буржэ). Характеризуя В. Гюго какъ человѣка, Фагэ видитъ въ немъ нѣкоторыя свойства буржуа, „мелко-тщеславнаго, педантичнаго, злопамятнаго, недостаточно остроумнаго, любителя политики и каламбуровъ“. *Вкусъ къ политикѣ* (*du goût pour la politique*) является, такимъ образомъ, отличительной чертой буржуазнаго типа, наравнѣ съ тщеславіемъ и педантизмомъ; политика низводится на степень занятія, недостойнаго геніальной или хотя бы высоко-даровитой натуры (припомнимъ, что слишкомъ талантливыми для политической жизни Зола считалъ даже Рошфора и Валлеса). Отъ равнодушія къ политикѣ одинъ только шагъ до регрессивныхъ тенденцій, до сочувствія въ той счастливой и спокойной (т.-е. мнимо-счастливой и мнимо-спокойной) эпохѣ, когда политика не вторгалась въ литературу. Весьма вѣроятно, что это сочувствіе не чуждо Фагэ; оно проглядываетъ кое-гдѣ въ его восторженномъ преклоненіи передъ XVII-мъ вѣкомъ. Гюго-демократъ, Гюго-проповѣдникъ равенства и братства долженъ казаться ему какимъ-то чудачкомъ, иногда немножко смѣшнымъ, иногда немножко скучнымъ; въ произведеніяхъ, вызванныхъ этимъ чудачествомъ, онъ способенъ цѣнить только внѣшнюю форму.

Справедливѣе, чѣмъ Фагэ, нѣмецкій критикъ отнесся и къ *тщеславію* В. Гюго. Что Гюго былъ тщеславенъ — это бесспорно;